

Ги́ла Ло́ран

Первое слово Съела корова

НП «Центр современной литературы»

Лоран Г.

Первое слово Съела корова / Г. Лоран — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-86280-025-5

Гиля Лоран – поэт, прозаик. Автор книг стихов «Ж» (М.: АРГО) РИСК, 2000; в рамках коллективного проекта с участием Н.Винника, М. Анкудинова, М.Горелика) и «Voilà: Антология жанра» (М.: АРГО) РИСК; Тверь: Kolonna, 2004). Публикации в журналах и альманахах: «Вавилон», «Воздух», «Двосточие», «РЕЦ», «Риск», «Солнечное сплетение», «Text only». Живет в Москве.

ISBN 978-5-86280-025-5

© Лоран Г.
© НП «Центр современной литературы»

Содержание

Об авторе	5
П редисловие	6
Хожение за три горя	8
I. Des dames du temps jadis	10
«За тремя морями за тремя веками...»	10
Дама, сердце	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ги́ла Ло́ран

Пе́рвое сло́во съела ко́рова

Об авторе

Ги́ла Ло́ран – поэт, прозаик. Автор книг стихов «Ж» (М.: АРГОРИСК, 2000; в рамках коллективного проекта с участием Н. Винника, М. Анкудинова, М. Горелика) и «Voila: Антология жанра» (М.: АРГОРИСК; Тверь: Колонна, 2004). Публикации в журналах и альманахах: «Вавилон», «Воздух», «Двоеочие», «РЕЦ», «Риск», «Солнечное сплетение», «Text only». Живет в Москве.

Предисловие Чудо разгерметизации

В книге «Двенадцать ключей мудрости» Василий Валентин советует: «Сооруди три великих крыла для земли – пусть они нудят ее со всею силой так, чтобы она поднялась до небес и даже до небес небес, в высочайшие их области. Потом сожги ее крылья, чтобы земля упала в красное море и утонула в нем. А затем огнем и воздухом высуши эту воду, чтобы снова образовалась земля». Именно так поступает Гила Лоран. В ее поэзии совершается полный цикл уничтожения и созидания – и не только земли, но и всего остального. Для этого порой требуются куда более странные манипуляции, нежели те, которые предписывает обладатель ключей мудрости. Но такой путь – единственно верный.

Когда современные стихотворцы решили обжить здание традиции, оно очень быстро обнаружило свою непригодность для прямолинейного пользования, а затем и вовсе обвалилось под тяжестью многочисленных жильцов. Ныне те, кто не сгинул в этой коммунальной катастрофе или родился после нее, снова учатся ходить по земле и ощупывать предметы, не злоупотребляя при этом инструментами, которые обнаруживаются в развалинах рухнувшего жилища. В результате выясняется, что масло масляное, а мишка плюшевый, но и только – для более впечатляющих открытий все же необходимо какое-то снаряжение; попытка же его раздобыть приводит на развалины. Чтобы выйти из порочного круга, нужно аннигилировать и предметы, и инструменты, а затем создать их снова, но так, чтобы масло уже не было масляным. А сделать это можно, только уничтожив и возродив самого себя.

Поэтический субъект Лоран как раз и возник в результате смертельной операции такого рода. «Наш современник», «обеспокоенный интеллигент», «человек цифровой эпохи», да и вообще «человек» подвергся хладнокровному закланию. Вместо него явилось невиданное многоликое существо с невероятно сложной духовной анатомией, при необходимости умеющее превращаться и в нашего современника, и в человека цифровой эпохи. Существо это живет сразу во всех временах – для него нет хронологической пропасти между советскими буднями двадцатипятилетней давности, библейской древностью и средними веками. Каждую из соответствующих реальностей, включающих в себя свой фольклор и свои коллективные фантомы, оно переживает одинаково интенсивно, и именно такому существу под силу изменить предметы – хотя бы путем наложения этих реальностей друг на друга. Но, в отличие от многочисленных «поэтов культуры», Лоран не растворяется в ней и не попадает от нее в зависимость, а, напротив, подчиняет ее своей авторской воле. Цитаты и аллюзии нужны здесь для того, чтобы выразить собственную сущность и рассказать собственный сюжет, который гораздо важнее, чем выдумки литераторов и свидетельства историков. Новое существо снабжено таинственным органом, позволяющим выносить оккультные приговоры всему происходящему и смеяться по-настоящему страшным смехом. Виртуозная работа с дискурсами и стилями, сама по себе поэзия не делающая, здесь служит подспорьем при создании босхиянской мистерии – иногда, правда, ехидно сжимаемой до кукольно-камерных масштабов. Сюрреализм Лоран с его смещенной телесностью и карнавализацией абстракций – парадоксальный путь к катарсису. Лоран – артист: даже спуск в адские бездны не мешает ей играть и перевоплощаться. Неудивительно, что как поэт она пребывает в благородном вакууме – в ее поколении сблизить и сопоставить ее не с кем.

Язык преображенного поэта – тоже результат уничтожения и синтеза. В первом стихотворении книги появляется ангел, возглашающий: «Горе, горе, горе прописанным в этой фатере!». Все языки – библейский, советский, устаревший разговорный, современный литературный, трафаретно-поэтический и многие другие – вспыхивают ярким пламенем, чтобы

посредством алхимического превращения породить саркастический, горестный и возвышенный язык Лоран. Некоторые ее стихи читаются как стилизация, но на самом деле это дивная поэтическая хитрость, недоступная почти никому: в большинстве случаев конкретного образца для этой стилизации не существует. Речь Лоран в лучших своих отрывках построена на удивительно точной и мощной просодии, выдающей в авторе большого лирика и переводящей его из «современной поэзии» в совсем другой контекст, который ныне, как правило, осваивают только через эпигонство, а не через наследование. Способность говорить так сродни абсолютному слуху.

Поэзия Лоран глубоко трагична. Это поэзия боли и ее мученического преодоления. Нестандартные женские истории, угадываемые в этих стихах, равно как и один из характерных героев-протагонистов Лоран – исступленная любовница, она же любовник, сочетающая стилизованную пошловатость с ритуальными практиками и ведущая пересмешистский рассказ о возлюбленной – дают лишь ограниченное представление о корнях этой боли и о ее сути. Источником боли является сама материя мира, делающая желаемое невозможным, а сапфический ракурс – не более чем один из способов выразить это. С другой стороны, гендерная альтернативность служит основанием для дерзкого социокультурного вызова. Но он, впрочем, выглядит лишь смягченным подобием того метафизического бунта против мироздания, который Лоран зашифровано поднимает на каждой странице. Бунт этот неотделим от плача. Для протагониста Лоран невозможно плаванье на победно-романтическом пьяном корабле – вместо него в ее стихах появляется корабль уродов, пассажиром которого стремится стать герой, и в современной русской поэзии мне неизвестна более сильная метафора экзистенциального изгойства.

«*Первое слово съела корова*» – в значительной своей части книга о детстве, безвозвратно ушедшем и вечно длящемся. О детстве, имеющем конкретные географические и временные координаты. За изолированной поэтической машинерией, жестокими фантазмагориями и болезненной иронией прячется беззащитная фигурка избранного и проклятого ребенка, чей мир рисуется одновременно раем и адом.

В эпосе о детстве герметическая поэзия Лоран раскрывается, как ларец с простыми дарами. Эта разгерметизация, отнюдь не оборачивающаяся для стихов летальным исходом, – ключ к прочтению всей Лоран. Под культурным слоем нас всегда ожидает ее пугающее «я» – ни на кого не похожий вещатель. Достаточно услышать его – и самые темные строки разгерметизируются сами собой. Так сложная поэзия обретает силу и внятность лирической песни, и этот эффект – тоже из области радикального преобразования вещей.

Кирилл Решетников

Памяти с. Знаменского

*Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны*

Хождение за три горя

В полдневный жар, в долине Дагестана...

Почал я свое грешное хождение за три горя
отпустили мя голой головою за море
дорога тесна, и вдвоем не пойти.
любят там белых людей
а сами все черные, все злодеи,
а женки все бляди,
да веди, да тати,
господарей морят зелием.
И видел я и слышал одного ангела, летящего посреди неба и говорящего
громким голосом: горе, горе, горе живущим на этой земле! горе,
горе,
горе прописанным в этой фатере!
Да только окромя меня никто его не услышал.

На кухне тетя Маруся целый день всем назло кипятит воду
кормит свою толстую рыжую Этлю тетя Ревечка
Маменька готовит голубцы. Значит,
тетя Кира завтра тоже приготовит голубцы.
Она всегда повторяет за моей матерью.
А Нина Федоровна,
в шелковом шарфике, ажурных колготках, на каблуках, в театр
собралась —
зашла на кухню, якобы за зажигалкой: показать,
что не только в халате всю жизнь ходит.
А у меня в животе солнце хохочет
В малиновом завитке
А сам я в прихожей вечною ночью
С прохладною трубкой в руке

Есть у них тут птица Гукук,
летает ночами и кличет: «кук-кук»
а на которой хоромине посядет, то тут человек умрет
а ежели кто возжелает ее убить – так у ней изо рта огонь выйдет.
И второй ангел на сосне протрубил: одно горе прошло; вот, идут
за
ним еще два горя.
И опять – я не в счет – никто ни уха не навострил.

Клавдия Николаевна была проститутка
потом заделалась портнихой. И стала
с Ниной Федоровной вместе жить.
Стасик с Ольгой ругаются.

Полаются-полаются, а вечером опять вместе в кино пойдут.
Дарья Филипповна в своей комнате
по телефону разговаривает,
а тетя Мила в коридоре стоит, подслушивает.
Дарья Филипповна, говорят, прикипела
к юнцу одному консерваторскому
уж и в загс собралась.
А у него, поганца, в его дыре
жена с дитем вырисовалась. Дарья Филипповна
вся на нервах, так тете Миле
до смерти любопытно.
А я в унитаза рыбу ловлю

По лесу у них мамоны ходят да обезьяны,
да по дорогам людей дерут,
а дики олени пупки из себя роняют по лесу.
И месяц у них стоит три дня полон,
да овощ сладкий везде каждый час произрастает.
*И третий ангел со звезды возгласил: второе горе прошло; вот,
идет
скоро третье горе.
И снова – всем померещилось только, будто звезда мигнула.*

Соседи ходят, клад ищут. Каждый
свою комнату простукивает.
Тетя Маруся войны ждет.
Стасик нож точит.
Тетя Ревечка все кудахчет,
как бы Эглю поскорей замуж пристроить.
А в третьей справа видели черную девочку.
Говорят, из шкафа вышла, ушла в зеркало.
*Я повесился. Прямо в центре комнаты,
на крюке из-под люстры, что в лепной розочке.
Тогда еще из репродуктора женский голос
пел про какой-то миллион.
Висел, думал про себя, что золотая люстра.
Потом рука устала. Упал. Разбился.*

Милостью высокою преидох же три моря, претерпех же три горя.

I. Des dames du temps jadis

*Скажи, в каких краях они, чья красота – как
наважденье?..*

Таис, Алкида – утешенье

Мужей, блиставших в оны дни?..

Где Элоиза, объясни,

Та, за кого приял мученья

Пьер Абеляр из Сен-Дени?..

Где Жанна, дева из Лоррэни,

Чей славный путь был завершен

Костром в Руане? Где их тени?..

Но где снега былых времен?

Вийон

А в переулке забор дощатый,

Дом в три окна и серый газон...

Остановите, вагоновожатый,

Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,

Мне, жениху, ковер ткала,

Где же теперь твой голос и тело,

Может ли быть

Гумилев

«За тремя морями за тремя веками...»

За тремя морями за тремя веками
я искал струящуюся шелками
деву, не тронутую дураками,
чей сильнее, чем смерть, фавор.
Мне родные стали что грязь, что блохи,
врачи говорили, дела мои плохи,
я дни напролет чертил ее профиль,
я крался в ночи, как вор.

За тремя канавами за тремя плевками
я нашел себе куклу с отточенными руками,
с полетом бедра над чудовищными каблуками,
с надменной стрелкой ресниц пластмассовых ввысь.
Я двери держал, острил, посылал букеты,
стирался в пыль, слизывал след с паркета,
добившись – ногами пинал, выгонял на бульвар раздетой.
Но волей хандрящего дьявола мы ужились.

Купили кольца и объединили имя,
строили планы солнечными выходными,
затоварились ходиками стенными
и чайником со свистком.
Крестом держал пальцы – боялся ее потерять я;
но однажды утром, дотошно собрав все платья,
она спокойно ушла в чужие объятия,
оставив меня в пустой ванной со свешенным языком.

Дама, сердце *Minnesang*

*помню
много лет назад
на даче, на бугре,
говорили мне мои киевские тетушки
одна жгучая, уже крашеная, правда, брюнетка
с острым носом гражданки шапокляк
пафосная, вдова поэта
другая – голубоглазая блондинка
в свое время угнали в германию, но благополучно не
опознали
а я тогда – в такой моденькой газетной
рубашечке,
доставшейся от брата.
Говорили: знаешь, где у тебя сердце —
с какой стороны?
ну конечно, не знаешь —
здоровый ребенок.
Теперь знаю. Только оно все время где-то
совсем не там.*

*Вырядилась, точно народная артистка
или директор овощной базы,
и пошла разоряться
как только сама от себя не устанет*

крашенная в медно-рыжий
в черном, с драгим камением,
сливки с прекрасной эпохи
шарфик шелковый – прямо из парижа
проплыла, с надменным недоумением,
сквозь вялый гул предбальной суматохи,
наклонилась – и щекой по щеке
и мятный шепот в ухо
и требовательный, душу тянущий,
на темной лестнице. и в такси налегке
и душистые простыни. и ведь не спьяну же
но наутро – ни сном ни духом.

*ха! она ж холодна, как лед
на нее только издали любоваться и можно*

вот она – захудалая моя весна
ветеранов свозят в столицу
драконовым гребнем по пустырю жжет траву детвора

красят бордюры решетки бронзовые имена
чистят песочком каменные лица
тянет жареною картошкой по дворам.
Притулился меж нечеловеческими громадами
новой кирпичной рассады
белый ванильный салатový
поселок пятидесятых
пряничные балкончики фонтана кафельная колыбель
мальчик на трехколесном. дребезжит.
поджарый кобель
наискосок задумчиво пробежит
через трамвайный круг
тетенька сидит на трубе
полирует ногти. И вдруг
цок-цок по улочке
лисичка с сумочкой
и сердце мое, сердце-шмерце,
кивает само себе, что малая дурочка,
и стекает каналами тайных подкожных венечий
и капает чем-то горячим на тротуар,
контурируя пурпуром бензинный муар.

*да, женщина ухоженная
хорошо умеет себя раскрашивать
такой, должно быть, мужчины
обращиваются вслед*

осунувшись сердцем на четыре карата
едва не сгинув к тетке в саратов
истончив все известные волоконца донельзя
нацедив чашицу голубых кровей
только и умея теперь, что ходить по лесу
собирать с асфальта мерзнущих червей
стылой весной осенью сирью
на черно-желтых счетах в сельпо
сiju калькулирую:
мне будет ли по
ночному трезвону
спазму ее, выгибу-вдоху-стону
за каждые две слезинки
за морщинки у рта
за взлелеянную в чудесной корзинке
да пущенную за ненадобностью на ворсинки —
Ни черта.

*ой, бросьте вы, на что вам такой цирк
один самодур, другая истеричка
вполне стоят друг друга*

злая зазноба моя —
нет, не такая, дороже на три рубля
точёные колени – сглатываю – в складках скользящей ткани
высокая грудь за черными кружевами
лучезарные заклепки на немислимых каблуках —
опять ушла – вся в духах и звонках —
мимо меня, неумелого кюхли,
покупать себе двадцать пятые туфли
видите ли

*этакая стерва
ноет-ноет
ноет-ноет
а ведь всех переживет*

сердце мое – нервическая балерина,
рискующая споткнуться о зернышко ячменя.
и пусть, как всегда, обдурены мы,
для счастья хватит долекки мандарина, —
ее недлинными, свеженаманикюрными —
очищенного – для меня.

*ну да, есть у нее слабость —
фактурные муцинки
а так, в сущности, веселая же тетка*

в замшевой ласке, томной улыбке
льняного выреза, охристой челке

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.